

pt. 2
1905. І ю л ь. X.

МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЖУРНАЛЪ ВНУТРЕННЕЙ МИССІИ.

№ 10.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія В. В. Комарова, Невскій, 136.
1905.

Редакція „Миссіонерск. Обозр.“
Невскій, 153 Телеф. № 5226.

Бесѣды духовоборовъ въ собраніи по окончаніи МОЛИТВЫ.

— А что, братцы, слышался голосъ въ собраніи, если доискиваться, значить, начала и конца духовоборческой вѣры, то эвто уму непостижимо. Сказано—старше православной вѣры нѣтъ!

Старикъ лѣтъ подь семьдесятъ, по имени Филиппъ, замѣтилъ:

— Да вѣдь, пожалуй, и корчажники считаютъ сабѣ православными, да развѣ они православные? А ты скажи,—что старше вѣры Божьей нѣтъ,—такъ эвто такъ будетъ.

— Выходить, старше нѣтъ,—заговорили въ собраніи. Давидъ и самъ былъ вѣры Божьей—той же духовоборческой, да ложью скрывался, а то бы его убили.

— Убили, аль нѣтъ, Богъ вѣсть, но только въ нашихъ разсужденіяхъ много сумлѣнія!

Такое неожиданное заявленіе духовобора, и притомъ блюстителя вѣры, какъ громомъ поразило слушающихъ. Всѣ переглянулись между собою въ недсумлѣніи, что случилось съ Тимоеемъ.

— Эвтакихъ рѣчей мы еще отъ него не слыхивали,—нутка, въ чемъ это ты нашелъ сумлѣніе?

— Можно ли, къ примѣру сказать, козіи рогъ—этого ничтожнаго животного, прости меня грѣшнаго, называть Божьимъ ртомъ?

— Аль теперь пускаться въ разсужденіе: откуда взялся Богъ, гдѣ Онъ, значить, воспитывался и прочее тому подобное? Да будто эвто дѣло наше, кто эвто можетъ знать, — подумайте, братцы!

Одинъ изъ стариковъ, считающійся у духовоборовъ „ходокомъ по слову Божьему“, замѣтилъ:

— Козій рогъ не есть Божій роть, а праведный родъ.

Это обстоятельство вызвало споръ; одни утверждали, что слѣдуетъ говорить роть, а другіе родъ; первые доказывали такъ:

елей, какъ добродѣтель, пребываетъ въ душѣ, которая сообщается со ртомъ, и что поэтому онъ соблюдаться можетъ только во рту, куда, такъ сказать, вливается елей; вторые, разумѣя подъ рогомъ корень премудрости, доказывали: козій рогъ, въ которомъ соблюдается елей, есть Божій родъ, потому что добродѣтель пребываетъ только въ дѣвахъ, душахъ нашихъ, въ людяхъ избранныхъ, въ родѣ праведномъ.

Тимоеей, прислушиваясь къ разнорѣчивымъ толкамъ о козьемъ рогѣ, обратился къ одному изъ стариковъ съ слѣдующими словами:

— Послушай, Филя! Вѣдь ты уже состарился на словѣ Бежемъ. Посмотри-ка ты на свою голову,—словно кто тебя мукою обдалъ, а наконецъ не можешь дойти до настоящаго дѣла! Что козелъ, что верблюдъ,—все единственно; одно слово—та же овца, проклятая Богомъ въ наказаніе Адаму! А ты, значитъ, приравниваешь праведный родъ съ послѣднею тварью, значить подводишь къ одному и тому же козій рогъ и праведный родъ! Ну, какъ таперича на это смотрѣть?

— Такъ и смотри, какъ сказано въ животныхъ книгахъ! Господь сказалъ: Азъ есмь вамъ животная книга. Куда ты дѣнешь это слово?

— Обыкновенно куда! Это слово слѣдуетъ зачеркнуть.

— Ишь какой, зачеркнуть! Небось перомъ!—послышались голоса.

— Перомъ нельзя,—закричалъ мальчишка на все собраніе. Сказано: пишите ни перомъ, ни черниломъ, а духомъ Божьимъ.

— Цыцъ, Ванюшка!—погрозилъ рукой родитель.

Шумъ, произведенный Ванюшкой, обратилъ вниманіе всего собранія; духоборы, покачавъ головами, повидимому остались весьма довольны кстати сказаннымъ изреченіемъ, относя это къ замѣчательной способности мальчика; родитель же, ободрясь остроуміемъ сына, всталъ съ прилавка и, подойдя къ Тимоею, началъ говорить:

— Тимоня, не въ похвалу будетъ сказано моему сыну, что зачеркнуть слова Господни нельзя,—не мы составляли, не мы предъявляли,—это дѣло не рукъ человѣческихъ, а нашъ наставникъ Духъ Святой. Ты подумай настоящимъ образомъ, можно ли таперича изслѣдовать широты земли, или, къ примѣру, глубину морей. Сосчитать, значитъ, морской песокъ, или—къ примѣру—дождевыя капли дней вѣка сего? Кто можетъ знать премудрости Господни? Скажемъ теперь и о козьемъ рогѣ: тутъ все дѣло

скрывается отъ насъ, ну только... (Тимоѳей хотѣлъ что-то сказать, но духоборъ, перебивая его). Нѣтъ, стой, братъ, погоди, я тебя доведу! Несумленно можно истинно доказать добродѣтель, пребывающую въ сердцахъ и душахъ человѣческихъ. (Обратясь къ сидящимъ и сдѣлавъ низкій поклонъ, произнесъ):—Простите, возлюбленные братцы и сестрицы! Можетъ статься, и не доказалъ чего! Богу нашему слава!

Всѣ слушавшіе отвѣчали:

— Спаси тебя Господи! Велико имя Господне по всей землѣ.

— Эхъ, братъ ты мой любезный!—замѣтилъ Филиппъ Тимоѳею: ты никакъ не хочешь взять себѣ въ толкъ, что здѣсь идетъ рѣчь не о томъ козьемъ рогѣ, который на головѣ нонѣшней твари, проклятой Богомъ, а совсѣмъ о другомъ,—это, значить, сказано къ примѣру.

— Одно слово—къ примѣру!—зашумѣли въ собраніи; Филиппъ же, не обращая вниманія, продолжалъ:

— Коли-бъ ты читалъ да почиталъ, не брало-бъ тебя сумлѣніе, а то вѣдь поди какъ расходился! Вотъ здѣсь то и оправдываются слова Господни: много званыхъ, да мало избранныхъ! Овны глаголютъ, яко съ нами Богъ, а овны глаголютъ: невозможно быть! Здѣсь тоже самое: одни, уповая на премудрость Божию, почитаютъ козій рогъ, а ты доказываешь иное, одно слово—впалъ въ сумлѣніе. Ну что, на это можно сказать?

— Больше ничего, какъ заблужденіе!—говорили старики. Пусть бы онъ послушалъ пречистыя уста,—они бы ему все, значить, доказали.

— О, благословенная отроковица въ дщеряхъ царевыхъ!—воскликнула женщина. Она бы ему все отъ начала до конца доказала, она бы скоро на путь наставила, всю бы дурь изъ головы выгнала, всю какъ есть!

— Молчи, молчи! Твое слово послѣ,—надо тебѣ-то дурь выгнать тоже! Настанетъ время, когда не мы, такъ дѣти наши спохватятся за эвто слово и раскроютъ! Эвтому быть, всенепремѣннѣйше быть, а то мы себѣ толкуемъ, кто куда: одинъ Божій роть, а другой праведный родъ, и что къ чему сказано, уму непостижимо! Просто диво!

— Да вѣдь сказано: дивны дѣла твои Господи,—послышался голось.

— А все-таки дѣло наше разобрать, что къ чему,—продолжалъ Тимоѳей.—Если, къ примѣру, задаться, что рогъ есть корень премудрости, ну, и пусть себѣ такъ; корень и рогъ почти

все единственно: какъ корень, значить, произростаеъ, такъ и рогъ,—начало то ему одно, источникъ премудрости; но зачѣмъ тутъ приклеили слово „козій“? Эвто все тоже, кабы я отъ козла взялъ рогъ и поднесъ тебѣ для соблюденія елея.

— Эхъ, Тимоня, Тимоня! Я же тебѣ говорилъ, что это сказано къ примѣру!

— Какой тутъ примѣръ?—Вовсе дѣло неподходящее! Праведный родъ ведется отъ трехъ отроковъ, а не отъ козловъ, прости меня грѣшнаго! Козлами, знаешь, кого называютъ?

— Да вѣдь съ какой стороны взяться за дѣло,—заговорили въ собраніи, вѣдь это ничто, какъ свертокъ!

— И въ правду свертокъ!—отвѣчалъ Филиппъ; сказано—свернулъ съ дарованія Духа Святаго.

— Коли тебя Господь сподобилъ дарованіемъ,—сказалъ Тимоѣей,—то объясни мнѣ настоящимъ образомъ: что къ чему?

— Ну, слушай, Тимоня, да смотри же почитай! Тебѣ извѣстно, что елей есть добродѣтель?

— Извѣстно.

— Въ чемъ елей соблюдается? Что, задумался? Ну, въ чемъ же, какъ не въ козьемъ рогѣ?

— Кой чортъ въ козьемъ рогѣ, прости меня грѣшнаго! — съ гнѣвомъ отвѣчалъ Тимоѣей. Скорѣй быть тому, что въ душахъ и сердцахъ, какъ доказывалъ Вася Нагорный.

— А рогъ же что, какъ не премудрость? Значить, души, исполненныя премудрости, наполняются добродѣтелью; вотъ, наконецъ, ты самъ таперича доходишь,—еще немного и Господь сподобитъ. Тебя, значить, теперь сбиваетъ съ пути не рогъ, а одно слово козій рогъ. Да вѣдь сразу до всего не дойдешь! Помни слова Господа Бога твоего: Азъ глаголю вамъ не яко врагъ, а яко Богъ,—терпѣвые до конца, тѣ спасутся. Богу нашему слава!

— Велико имя Господне на всей землѣ!

Рѣчь Филиппа, законченная священнымъ изреченіемъ и отвѣтомъ всего собранія, послужила Тимоѣею намекомъ на то, что пора окончить разговоръ о козьемъ рогѣ и перейти къ другимъ вопросамъ, и послѣ нѣкотораго молчанія, начали разсматривать воспитаніе Бога, объясняя такъ:

— Хоша и не наше дѣло вдаваться въ разсужденіе, гдѣ значить, Богъ воспитывался, — Тимоня выправду говоритъ; но про то знаютъ наши старики и наставники Духъ Святой; выходитъ, Господь ихъ сподобилъ откровеніемъ Своимъ.

— Вѣдь вишь, какъ подогнанъ отвѣтъ! Богъ воспитывался

въ крѣпкоумѣ, значить въ крѣпкомъ умѣ. Куда ты дѣнешь это слово, не нами составленное?—зашумѣли духоборы, и всѣ единогласно признали, что Богъ родился въ крѣпкомъ умѣ; но Тимошей, посматривая то на одного, то на другого, выражалъ свое недоумѣніе.

— Ну, а эвто теперь какъ доказать, послышался голосъ,—кто Бога Богомъ нарекъ?

— Такъ и доказать, отвѣчалъ одинъ изъ духоборовъ: вѣдь его то нарекъ Моисей Мосіяхъ, у котораго на головѣ былъ рогъ, корень вѣчной премудрости. Онъ, значить, и ухватился то за голову,—думалъ рогъ, анъ праведный Богъ. И на самомъ дѣлѣ, что Богъ, что корень вѣчной премудрости—все едино. Ужъ эвто пусть какъ ни добиваются!..

— Какъ эвто, старичекъ, спросилъ мальчишка дѣда своего, у Бога на головѣ сдѣлался рогъ?

— Тоже и онъ туды!—вскрикнула няня, — ступай вонъ на дворъ играть! У нашего Бога премудростей много, всего не переймешь,—и вывела его изъ собранія.

— Бойкій мальчишка!—заговорили духоборы. Ишъ, и ему, значить, сейчасъ надо знать, а вотъ только что на свѣтъ родился.

— Ужъ такой бойкій, такой бойкій, говорила няня, что этакое бойкаго не пріискать; видишь, кому, значить, Богъ дастъ, такъ его и тянетъ къ слову; вотъ только восьмой годъ пошелъ, а ужъ сколько псалмовъ знаетъ! Намедни самъ пришелъ и просить разсказать ему „десять дѣвъ“, и что же бы вы думали? Въ два вечера половину затвердилъ, читаетъ и не заикнется! Ужъ этакій мальчишка,—что изъ него только выйдетъ?

— Да што выйдетъ, тоже, што изъ насъ вышло! — отвѣчалъ Филиппъ.

— Давай то Богъ, чтобы такая голова была, какъ у тебя, другого бы и не желала!

— Поживетъ съ мое, такъ тоже наберется премудрости, коли только съ пути не собьется; ну, только врядъ ли, нонѣ люди не тѣ.

— Не приведи ты насъ, Господи, до этаго дожить! Я ему что ни день, только знай вбиваю въ голову слово Божіе.

— Сколько ни вбивай, а времячко свое докажетъ! Пока малъ, онъ тебя слушаетъ, а вырастетъ, тогда еще увидишь, заранѣе не угадаешь; вонъ Федотъ, каковъ былъ мальчикъ, любо было посмотрѣть! А теперь поди какъ своевольничаетъ и разсуждаетъ,—такъ и поровить вцѣпиться за слово: ты, говорить, не такъ понимаешь, что Богочеловѣкъ, что человѣкъ не все единственно; всенепремѣннѣйше должна быть разница,—вотъ ты съ нимъ и

толкуй! Я, значитъ, сталъ ему доказывать, какъ сказано въ животныхъ книгахъ, что онъ есть человѣкъ, всѣ изъ Него и мы въ Него, такъ онъ меня обозвалъ еще богохульникомъ; ты, говоритъ, устарѣлъ и слово Божіе не такъ истолковываешь. Пусть бы онъ высидѣлъ на немъ столько же, сколько я! Онъ еще не родился, когда я слышалъ слово съ устъ Савельюшки, царство ему небесное!

— Да откуда ему! Онъ только гуторить много, — заговорили въ собраніи, — гдѣ ему дойти до эваго, — онъ, одно слово, какъ будто не въ своемъ разумѣ; надьсь тоже гуторилъ, гуторилъ, только черезъ слово и поймешь.

— Не дальше сказать, какъ въ пятницу, замѣтила одна изъ бабъ, онъ тоже завелъ рѣчь о козьемъ рогѣ, такъ, не встать мнѣ съ эваго мѣста, точь-въ-точь какъ Тимошей, не соглашается и баста; все свое и свое, что козій рогъ не есть Божій рогъ; эвто, говоритъ на иначе, какъ ошибка: кто-нибудь проговорился совѣмъ къ другому дѣлу, а тутъ, значитъ, подхватили и пошло, пошло чрезъ всѣ поколѣнія, а теперича и некуда дѣваться: хошь — вѣрь, а не то, какъ себѣ знаешь!

— И что имъ сдался козій рогъ, задумавшись, произнесъ Филиппъ. Тутъ все корчашники дѣйствуютъ, не иначе!

— И вправду, — корчашники! — слышался голосъ дѣвушки. Вотъ тотъ самый солдатъ, что у насъ стоитъ, соберетъ, значитъ, себѣ товарищей и подсмѣиваются. Какъ только мимо ихъ пройдешь, такъ, какъ словно сговорились, всѣ въ одинъ голосъ кричатъ: козій рогъ, козій рогъ, козій рогъ! Другой разъ не утерпишь и спросишь ихъ: на что вамъ сдался тотъ козій рогъ, такъ они себѣ всѣ животики надорвутъ, — хохочутъ себѣ да хохочутъ!

— Да на что, сказать, этотъ молоденькій охвицеръ, который стоитъ въ Амомлахъ, какъ бишь его, небольшого роста, полненькій, такой пристойный, значитъ, себѣ круглолицый, какъ ни приѣдетъ въ Башкичетъ, ужъ это никогда не преминетъ случая заговорить о козьемъ рогѣ. Сначала поведетъ рѣчь, какъ слѣдуетъ, спросить, значитъ, о здоровьѣ, — какъ ты, значитъ, поживаешь, все ли у тебя благополучно и прочее тому подобное, одно слово — какъ должно быть. Нечего сказать, поговорить молодецъ, за словомъ въ карманъ не полѣзетъ! Потомъ, наконецъ, ни съ того, ни съ сего спросить: а что, Филиппъ, про козій рогъ читаешь? и тутъ же начинается смѣяться; или теперича заведетъ рѣчь о Патрахвель-птицѣ и Плакунѣ травѣ, одно слово — безъ того не уѣдетъ, чтобы не поговорить и не посмѣяться. Тоже теперь сказать о денщикѣ того охвицера, который стоитъ у Васи, и все дудить

на хвлетѣ. Какъ только прійдетъ за масломъ, молокомъ, а когда и за яйцами, и скажешь, значить, денщику, что нѣтъ; тутъ же подыметъ тебя на смѣхъ: ахъ ты эвтакая, говоритъ, Патрахвель птица! Козій то рогъ есть, а масла нѣтъ! Что ты будешь съ нимъ дѣлать? Другой разъ махнешь рукой и скажешь: уходи! А иной не вытерпишь, да и скажешь ему: эхъ вы — христіане! Именемъ Христовымъ нарекаетесь, а Самого Христа чуждаетесь! Какъ проговоришь ему эвти слова, онъ себѣ пойдетъ и хоша бы слово, какъ будто кто ему языкъ придавилъ!

— Сказано—заблудшія овцы!—послышались голоса. Имъ, значить, въ диковинку слышать козіи рогъ,—они себѣ и смѣются, какъ—одно слово—не понимающіе, а теперь и нашихъ начинаетъ брать сумленіе; какъ ѣни говори, а дня того не пройдетъ, чтобы кто-нибудь не обозвалъ тебя; напредъ и слова о рогѣ не было,—такъ другой разъ погудорять и дѣло тѣмъ кончится,—а теперь только что рѣчи о немъ.

— Да полно вамъ толковать о козьемъ рогѣ!—закричалъ на все собраніе Тимоѣей. Съ нимъ только одного грѣха набереешься и больше ничего. Повѣрите ли, братцы, вчера, какъ есть цѣлую ночь не заснулъ, все, значить, представляются мнѣ козлы да ихніе рога.

— То-то ты объ нихъ завелъ рѣчь, видно они ночью проняли тебя?!—говорилъ Филиппъ; еще не разъ придется ихъ видѣть; пока, значить, не дойдешь до истины.

— Вотъ и доходи до нея, когда мы сами не дошли!—заговорили духоборы, и, взявъ свои шапки, пошли по домамъ; за ними двинулись и духоборки; осталось только нѣсколько стариковъ,—Тимоѣей, Филиппъ и хозяйка дома, баба въ лѣтахъ, но очень расторопная.

Одинъ изъ стариковъ, почесывая затылокъ, произнесъ:

— Сказано—времячко приближается, а мы отъ него отдаляемся.

— Времячко вотъ тутъ-тутъ, со вздохомъ проговорила хозяйка, а мы-то, значить, въ дѣлахъ своихъ отдаляемся. Господи Боже мой, Господи Боже мой!

— И какъ еще отдаляемся!—отвѣтилъ Филиппъ.—Не дальше, какъ вчера, пришелъ ко мнѣ Вася Нагорный, пьянъ елико возможно, и присталъ, чтобы ему объяснить, что такое Сіонъ гора. Я ему и говорю: Вася, а Вася, иди сначала, проспись! Вѣдь тебя уже и земля не держитъ, какое же тебѣ слово премудрости въ башку влѣзеть!

Нѣтъ, онъ—значить—свое, присталъ и присталъ. Что ты будешь дѣлать? Я уже и къ Парасѣ, чтобы она, значить, уложила.

а онъ все свое, Сіонъ гора, да Сіонъ гора. Нечего дѣлать, я сталъ было доказывать ему; онъ какъ это вдругъ схватить меня за глотку и кричить: „не такъ, Филя, не такъ! Сіонъ значитъ: Сей Онъ, эвто—я!“ А самъ все пуще и пуще налегаетъ на глотку, не могу духа перевести; что ты будешь дѣлать? Хочу, значитъ вскрикнуть, чтобъ онъ бросилъ свои руки, такъ гдѣ же?—такъ вцѣпился, что и слова не выскажешь, еле-еле оторвался,—спасибо Парасѣ! Теперь и суди: въ эвтакомъ, значитъ, безобразнѣйшемъ видѣ сравниваетъ себя съ Сіономъ!

— Эвто ужъ такой нравъ: какъ только Васичка выпьетъ, такъ его и тянетъ къ Божественному. Откуда что берется? Такой словоохотный дѣлается, что никакими средствами нельзя унять, пока вся дурь изъ головы не выйдетъ! Ужъ сколько ему наставленій было отъ Лусечки. Недавно она пекла его — пекла, онъ и такъ и этакъ, некуда дѣваться! Палъ въ ноги и глаголетъ: ликъ дарный, смирилъ себя предъ тобою! Знать, предъ словомъ пречистыхъ устъ ничего не подѣлаешь!

— Значить, не подѣлаешь!—со вздохомъ произнесли старики, причемъ хозяйка, прослезившись, продолжала:

— Да, какъ ужъ и ее, бѣдненькую ту самую, подобрало, нѣтъ и тѣни прежней! Кадысь была кровь съ молокомъ, а таперича, какъ лимонъ, ужъ болѣсть больно одолѣваетъ. Надысь утречкомъ, едва узрѣла свѣтъ Божій, какъ потянетъ-потянетъ: хочется, значитъ, отхаркнуться и не въ мочь,—какъ будто что въ горлѣ стало. У меня ажъ на сердцѣ екнуло,—думаю себѣ: Господи Боже мой, Господи Боже мой, на что Ты напустилъ такую болѣсть на домъ благодатный, прибѣжище Христово!

— Да вѣдь эвто никто какъ дьяволъ!—вскрикнулъ Филиппъ. Объ этомъ нечего тужиться и плакаться,—Господь сказалъ: чѣмъ ближе духомъ къ Богу, тѣмъ ближе плотью къ сатанѣ. Оно, конечно, мерзко глядѣть на такую болѣсть, зародившуюся въ утробѣ благодатной, да вѣдь противъ воли Господней не пойдешь,—стало быть такъ слѣдуетъ!

— Эхъ, братцы, вставая съ прилавка, говорилъ Тимоѣей, кабы наша благодатная береглась, не забирало бы ее утренниками, а то вѣдь поди, да что и говорить! Одно слово—сама себя не бережетъ! Оно правду сказать, и трудно ей уберечься! Какъ ни на есть, надо у всякаго побывать, а другой разъ и вдалѣ проѣхаться,—вотъ тутъ-то и болѣсть зараждается. Будто ей теперь мало стоило хлопотъ объ эвтихъ антихристскихъ знакахъ и печатяхъ ¹⁾. Надо

1) Знаки для ношенія старшинами селеній и кольцо съ печатью для безграмотныхъ старшинъ.

было и тамъ и сямъ побывать! Ну, по крайней мѣрѣ все-таки на своемъ настояла,—ни одинъ, значить, старшина не надѣлъ папей. Такъ какъ ихъ, значить, получили въ бумагахъ и положили въ ящикъ, такъ онѣ и валяются себѣ и рука не притронулась къ нимъ.

— Да какая же праведная рука къ нимъ прикоснется, говорилъ Филиппъ. Сказано: „кто возлюбитъ печать антихристскую на землѣ, тому пространно жить—похвально слыть“. Принять ихъ для ношенія, значить—отказаться отъ всего и прямо въ сѣть къ Агрику. Ужъ приставъ, какъ ни подѣвжалъ съ ними—и съ одной стороны и съ другой, и такъ и сякъ,—думалъ обольстить, яко змій, да видить, что ничего не подѣлаетъ, расшумѣлся, раскраснѣлся и махнулъ рукой.

Мы впрямикъ ему сказали: не желаемъ, дескать, чтобы имена наши были славимы въ мірѣ семъ. Онъ покачалъ головой да и домой, видно, одумался.

— Да онъ себѣ на умѣ, началъ говорить Тимоѳей и, видно, еще хотѣлъ кой-что сказать о приставѣ, но хозяйка, схвативъ его за плечо, стала кричать: стой-же, стой, ишь куды разглагольствовался и слова не дасть сказать!

— Твое слово послѣ!.. Приставъ, значить...

— Тимоня, а Тимоня, перебивая, заговорилъ Филиппъ, во многихъ глаголахъ нѣсть спасенія!

— Третьевашняго дня...—перебила хозяйка, третьевашняго дня ну, и досталось же армашинскимъ, Господи Боже мой! Ужъ Лушечка ихъ пудрила, пудрила, и аспидами и скорпионами и блудниками, чѣмъ только она ихъ не обзывала! Двухъ отправила во святой градъ, значить, ожидать пріѣзда, Господи Боже мой.

— Ишь нейметса, видно, опять напроказничали, рассуждали старики; ну, да эвтимъ двумъ не миновать расправы!..

— Лушечка давно до ихъ добирается! У ней много на сердцѣ наболѣло!

— Какъ ни говори, а они просто съ пути сбились!

— Да эвто уму непостижимо,—семьсотъ рублей задолжали въ духанъ.

— Семьсотъ рублей, зашумѣли старики. Шутка, семьсотъ рублей,—вѣдь это не семь!

— Гдѣ же семь!—отвѣчалъ Тимоѳей; ну, таперича подлинно можно сказать, что армашинцы сошли съ пути истиннаго; они, значить, сами себѣ враги и убійцы.

— Чудной ты, Тимоня, заговорилъ Филиппъ. Вѣдь эти слова

Господни совѣмъ къ другому дѣлу идуть,—это, къ примѣру, къ пьяницамъ.

— Да кто же они, какъ не пьяницы,—зашумѣли всѣ.

— Не тѣ пьяницы, которые пьютъ, а которые бьютъ, къ примѣру: разбойники, грабители, воры, хулители, — вотъ настоящіе пьяницы. Коли мать милосердія назвала пьяницами, то, значитъ, за другія дѣла неугоднаы Богу; тутъ все дѣло въ обманѣ.

— Какой тутъ обманъ?—Толкуеть себѣ обманъ,—но все же таки они не разбойники, не грабители.

— Они хуже, чѣмъ разбойники, — они хулители! Да вѣдь на кого еще хулу произносили? На мать милосердія. Шуточное ли дѣло? Что же они теперь себѣ думаютъ, — эвтимъ и кончится? Нѣтъ! Они такъ одинъ за другимъ сойдутъ съ лица земли; ужъ ризы-то бѣлыя съ нихъ сняты и златой поясъ не видать...

— Надѣлали себѣ армашинцы; какъ есть—всѣ погибнутъ!

— Зачѣмъ же всѣ? Господь милостивъ! А тѣмъ, значитъ, трудно придется, которые осмѣяли на сходкѣ.

— Почитай все село на сходкѣ было,—на што бабы и тѣ явились.

— Мало что все село, да не всѣ хулу произносили: другой, какъ баранъ, стоялъ, третій не внималъ гласу, четвертый палкой землю ковырялъ, а какъ женщины, къ примѣру сказать, такъ и вовсе не виноваты,—тамъ отъ нихъ такой плачь былъ, что уму непостижимо, онѣ прямо кричали: погибли!..

— И вправду погибли! со слезами на глазахъ говорила хозяйка.

— Что они таперича надѣлали? Другой бы радъ-радехонекъ видѣть, одарить гостинцемъ, услышать то слово, узнать о здоровьѣ, преклониться въ ножки, угостить курочкой, творожкомъ, яйцами, молочкомъ, а тамъ ягодки поспѣютъ,—самой нарвать и поднести; она спасибо скажетъ, все, какъ есть, расскажетъ, что къ чему, откуда что берется, какъ на землѣ жить, какъ Богу угодить, о Кондратушкѣ замолвить, какъ вѣкъ ему доживать, чему свидѣтелямъ бывать, докажетъ предпоследнія времена и всяческія т. е. гоморы, а теперь?—о Господи, Господи! Они бѣдненькіе всего лишились, никто о нихъ не думаетъ, всѣ ихъ поносятъ; они себѣ убиваются и никто на нихъ не взглянетъ! Ахъ вы, мои родненькіе! Какъ васъ не пожалѣть (плачетъ). Кто васъ обласкаетъ? Кто на путь наставитъ? Туго имъ придется!

— Тыфу, пропасть этакая!—закричалъ Тимошей, выведенный изъ терпѣнія разсказомъ хозяйки. Ну что это за женщина, прости меня грѣшнаго! Гуторить себѣ, гуторить, и Богъ знаетъ что!

И эвто, какъ ни сойдешься съ нею,—всегда одно и тоже, одно и тоже, словно затвердила! Все какъ есть чисто переберетъ хозяйство отъ курицы до яйца, а далѣе, наконецъ того, до предпослѣднихъ временъ и гоморы! Эвто просто камедь, да еще какая камедь-то. Завели рѣчь объ армашинскихъ, а она, видишь, куда перескочила—къ Кондратушкѣ!

— Что же изъ того, заговорилъ Филиппъ, будто о Кондратушкѣ и вспомнить то нельзя? Чудной и ты, Тимоня!

— Дивно и ты рассказываешь, какъ я посмотрю! Тутъ главное дѣло кроется въ томъ, что Лушечка не хочетъ, чтобы объ эвтомъ много толковали. Вѣдь разные случаи бываютъ,—ты видишь, какой нонѣ народъ сталъ: одни, значить, вѣрятъ эвтому, а другіе туды-сюды, одно слово,—взадъ и впередъ двигаются. Она таперича и сама не рада,—не слѣдовало бы, говорить, оглашать объ этомъ; они начинаютъ забывать, кто надъ ними поставленъ! А сама, значить, все утираетъ слезы.

— Что правда, то правда: толковать объ эвтомъ не слѣдовало. Чему быть, тому не миновать! Вотъ она вспомнила и раздражилась и больше изъ того, что Кондратушкѣ быть свидѣтелемъ предпослѣднихъ дней, а ужъ ему почитай за восемьдесятъ лѣтъ, да и того больше, куды больше. Сказано: бабамъ и вовсе бы не слѣдовало объ этомъ знать, баба—такъ она, значить, всегда останется бабой!

— Истинно такъ!—разсуждали старики. Имъ бы вовсе не слѣдовало и слова говорить,—ихъ дѣло не то; онѣ, значить, по хозяйству: какъ сварить кушанье, подоить корову, аль сбить масло и прочее тому подобное, а то вѣдь у нихъ вонъ какой языкъ,—такъ и пойдутъ гласить, никакой сенгаль съ ними не сравняется, одно слово—вмигъ т. е. распространять.

— Что и говорить!—отозвался Тимоѣей. Откуда теперь Лушечка все знаетъ? Вотъ этакія женщины, къ примѣру сказать, пріѣдутъ въ Горѣлое, да какъ есть весь разговоръ отъ начала до конца и расскажутъ; бывало, явишься къ ней, только и хлопнешь глазами, откуда что взялось!

Слова Тимоѣея очень задѣли хозяйку, она не могла снести сдѣланнаго упрека и, вставши съ прилавка, обратилась къ старикамъ и сказала.

— Не сойти мнѣ съ этаго мѣста, если неправду говорю: напредъ, чѣмъ мы узнаемъ, а ужъ Тимоня успѣетъ съѣздить въ Горѣлое и повернуться назадъ! Онъ какъ есть за всѣмъ слѣдитъ,—ему, значить, препоручено Лушечкой и онъ исполняетъ свое дѣло:

какъ таперича,—исправно-ли ходять въ собранія, усердно-ли читають псалмы, о чемъ гуторять, не обозвалъ ли кто кого дурнымъ словомъ, а наипаче ее; онъ же всѣ приказанія развозить, онъ же, значить, письма привозить и какъ только читать въ собраніи, глядь, вынимаетъ изъ кармана, одно слово,—какъ есть блюститель, аль атаманъ, какъ его ужъ тамъ наградили!.. А ты себѣ (обращаясь къ Тимоѳею) еще насъ сюды вмѣшиваешь, хотя бы ты Бога побоялся! Не тебѣ говорить объ эвтомъ! Я все какъ есть, все наскрозъ знаю, кто объ армашинскихъ, коли не ты, даетъ извѣстія? ты ихъ погубитель! Только знаетъ туды ѣздить, а оттуды въ Горѣлое и рубашки не заѣдетъ перемѣнить; напредъ эвтой оказіи, тебѣ небось и не допросится туды, а нонѣ почитаи каждый мѣсяцъ.

— Ну, женщина, прости меня грѣшнаго, говорилъ Тимоѳей, вотъ тебѣ гдѣ настоящая погубительница! Да что съ тобой много рассказывать,—сказано баба! Коли бы надъ вами не было кому стоять, такъ вы бы тутъ такія сѣти распустили, что и пройти мимо ихъ нельзя было.

— Оно, конечно, не твое дѣло объ этомъ толковать, говорилъ Филиппъ: заведено въ благодатномъ домѣ, такой порядокъ и теперь; не будь этого—и вправду все бы распустилось,—ты бы первая не удержала бы языкъ и пошла бы городить Богъ въсть что! Сказано волосъ длинный, значить,—должна имѣть наставниковъ и слушаться ихъ; а ты наконецъ еще въ укоръ ставишь Тимонѣ то, что ему препоручено отъ матери милосердія! Небось ты сама жаждешь и курочкой угостить, и тѣмъ, и другимъ, и ягодки собрать, хоша еще до лѣта далеко, безъ слезъ не вспомнишь о погибели армашинскихъ, а сама гуторишь т. е. безъ всякихъ разсужденій, что въ голову забредеть! Въ старину не этакъ бывало,—бабы и рта не смѣли разинуть, знай хозяйничали, а таперь поди въ резоны лѣзуть! (Обращаясь къ Тимоѳею). Скажу таперича и тебѣ, Тимоня: ты надъсь больно далеко завелъ рѣчь о козьемъ рогѣ!

— Тебѣ еще мало! Опять думаешь гуторить о козьемъ рогѣ? Кажись бы—довольно!

— Нѣтъ, стой, братъ любезный, зашумѣли старики,—стой, онъ какъ есть докажетъ!

— Ну, ладно, ладно! Только истинно прошу васъ, не горланьте такъ здорово, неравно кто услышитъ!

Тимоѳей замолчалъ и всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ приготовились слушать Филиппа.

Филиппъ, откашлявшись нѣсколько разъ и почесавши свой затылокъ, продолжалъ:

— Я тебѣ говорю на тотъ случай: ежели только узнаетъ мать милосердія, она тебя не пощадитъ,—небось голову намылитъ, да вѣдь еще какъ! Ты словно одурѣлъ, прости меня грѣшнаго, что сталъ разсуждать о томъ, что у насъ много сумлѣнія и прочее тому подобное! Я тебѣ, значить, сколько разъ твердилъ, что, козій рогъ есть Божій родъ, а не Божій ротъ, а да хотя бы, сказать къ примѣру,—ротъ, кому до эвтаго дѣло?

Какъ сказано въ животныхъ книгахъ, такъ и чтѣ! Нѣтъ, а ты безъ всякаго, значить, разсужденія вдался въ разговоръ, и сталъ доказывать, что это слово совсѣмъ слѣдуетъ зачеркнуть! Даже въ башку не пришло, что чирикають только перомъ, обмокнутымъ въ чернило! По животнымъ книгамъ читають и пишутъ духомъ Божиимъ, а духъ вылетаетъ изъ сердца черезъ ротъ, а елеи также вливается чрезъ ротъ, исходящій отъ духа, значить—козій рогъ есть Божій ротъ.

— И что ты будешь дѣлать! Оставь, истинно тебя прошу, Филя! Ты же, къ примѣру, говоришь, что твердилъ мнѣ Божій родъ, а наконецъ пришелъ къ тому, что опять же Божій ротъ.

— Баста съ тобою толковать! Божій родъ и Божій ротъ—все единственно, коли хочешь знать! Какъ ты ни доказывай, все къ одному и тому же придешь! Хоша спроси у самого Кондратушки, онъ тебѣ тоже самое скажетъ.

Тимоеей, обратясь къ слушающимъ, сказалъ:

— Истинно прошу васъ бросить разговоръ о козьемъ рогѣ! Мы все-таки до истины не дойдемъ, а только грѣха наберемъ.

— Да, оставимъ, братцы, заговорили старики, на что намъ дался козій рогъ, да право!

— Толковали, почитай, часъ цѣлый и того наконецъ болѣе, и ни къ чему не пришли, сказано—дураками родились и дураками плоть смѣнимъ.

— Пора по домамъ!

Распростившись съ хозяйкой, гости вышли изъ собранія.

М. Каменевъ.

